

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Пост-анархизм в двух словах

Джеймс Адамс

2003

Джеймс Адамс
Пост-анархизм в двух словах
2003

Скопировано 05.07.2024 с
<https://liberadio.noblogs.org/?p=649>

ru.anarchistlibraries.net

В последние несколько лет возрос интерес к тому, что некоторые сокращённо называют «пост-анархизмом», т.к. это слово используется для описания самых различных течения мысли и, возможно, из-за неожиданных временных осложнений, даже для людей с анархистской сцены, это термин, который зачастую по умолчанию не используется. Но как термин он так же относится к волне попыток пересмотреть анархизм в свете великих достижений современной радикальной теории и мира как такового, большая часть которой началась с событиями Мая 1968 года в Париже, Франция, и на интеллектуальной сцене, где возник бунт. И в самом деле, во вступлении к новой книге Эндрю Финберга об этих событиях, «When Poetry Ruled the Streets», Дуглас Келнер высказывает мысль, что пост-структуралистская теория как она развилась во Франции, не была отрицанием этого движения, как часто думают, но большей частью была действительно продолжением новых форм мысли, критики и действия, которые завоевали

улицы в то время. По его словам: «страстная интенсивность и дух критики во многих версиях французской постмодернистской теории является продолжением духа 1968 года. Бордияр, Лиотар, Вирильо, Деррида, Кастириадис, Фуко, Делёз, Гваттари и прочие французские теоретики, ассоциируемые с постмодернистской мыслью, все были участниками майских событий 68-ого года. Они разделяли их революционную силу и радикальное вдохновение, и они пытались развить новые методы радикальной мысли, которые внесли бы в другие исторические условия радикализм 1960-х» (2001).

Так что, полностью осознавая этот факт или нет, на этом фоне абсолютно выделяется то, что «пост-анархизм» возник недавно как попытка создания гибридной теории и практики из наиболее важных элементов ранней анархистской мысли, как и из более новых критичных теорий, которые из этого и похожих движений по всему миру, усиливая возможности политики, чьим первейшим лозунгом было – «Вся власть воображению!», в наше время. Неудивительно, что это однажды должно было произойти с тех пор, как известно, что анархизм был главным элементом в тех событиях; это подтверждается не только высказыванием Рауля Ванненгейма, что «с этого момента, ни одна революция не заслуживает этого имени, если она не включает в себя, хотя бы по минимуму, радикальное уничтожение всех иерархий» (2001), но и удивительно отдающимся эхом высказыванием Мишеля Фуко десятилетие спустя, в котором он заявил, что «там, где власть советских социалистов была под вопросом, её оппоненты называли её тоталитаризмом: власть в западном капитализме была опровержена марксистами как классовая власть; но механизмы власти сами по себе никогда не были проанализированы. К этой задаче можно было приступить только после 68-ого, это можно сказать на фоне ежедневной борьбы на самом

низшем уровне, среди борьбы, чьи бои были помещены в тонкие ячейки сети власти» (Gordon 1980).

Это два из наиболее явных примеров этого наследия, но запросто могли бы быть приведены последующие бесчисленные, чтобы продолжить список – даже если можно возразить, что многие из участников находились под значительным влиянием экзистенциализма, феноменологии, Франкфуртской Школы и Западного марксизма в целом, нельзя отрицать, что мощная анархистская, антииерархическая этика пронизывала всё происходящее, равно как и теоретиков, которые были порождены этими событиями. Так что можно ясно видеть, что анархизм был, хотя возможно и не напрямую, важнейшим влиянием у большинства этих мыслителей, которые написали большую часть своих работ уже после событий. Поль Вирильо, например, открыто выражал свои симпатии анархизму, ссылаясь на своё участие как на причину этого. Не смотря на широко распространённые заблуждения, утверждающие обратное, постструктуралисты, как и другие социальные движения, не отказались «просто так» от бунта после Мая 68-ого года.

Вовлеченность Вирильо, вместе с Фуко, Делёзом и Гваттари в движения Автономии и Свободных радио в Италии. И Франции в поздние 70-е, участие Фуко в движениях за права гомосексуалистов и отмену тюрем в 80-е годы, связь Люси Иригирэй и Джудит Батлер с «феминизмом третьей волны» в 1990-х, да работа Дерриды и Агамбена в движениях *Sans Papiers/No Borders*, как и тесные связи Хардта и Негри с антиглобалистским движением последних нескольких лет уже могут быть достаточными, чтобы разрушить этот миф. Дальнейшая абсурдная критика, которая иногда раздаётся, пытается вытянуть несколько уникальных примеров, таких как кибер-феминистку Донна Харауэй, чтобы показать, что постструктуралисты все относятся

некритично к технологии, или нео-нигилиста Жана Бордьяра, чтобы доказать, что все они непоколебимо отрицают возможность сопротивления, и так же невежественна, поскольку слабой стороной этих неверных и обобщающих высказываний является то, что политика «сопротивления» была центральным элементом всего труда Фуко, так же как и беспощадная критика «искусства технологии» во всех её формах от военной артиллерии до телевидения всегда были чрезвычайно важны в работах Вирильо.

В самом деле, далеко от тех образов, которые могут возникнуть, постструктурализм возник из куда большего антиавторитарного круга, который зародился, вбирая в себя всё, что на тот момент существовало как радикальная, но всё ещё абстрактная теория, и применяя её на практике на парижских улицах. Не смотря на все его ограничения на протяжении лет, поскольку его корни можно найти здесь, он, тем не менее, содержит множество сильных анархистских элементов, которые больше нигде нельзя найти. Следовательно, понятно, что у этих мыслителей можно найти огромное обогащение для радикальной теории, которая может быть использована сегодняшними анархистами, которые хотят сохранить свою теорию актуальной относительно контуров властных структур, которые не существуют вне пространства и времени, но которые постоянно находятся в состоянии течения и трансформации.

Как было сказано, термин «пост-анархизм» возник ранее как термин для описания феномена, причём эта радикально антиавторитарная постструктуралистская теория развивалась и мутировала, и раскалывалась за последние три десятилетия на дюжины гибридных критических теорий, в конце концов, возвращаясь обратно, чтобы обогатить и расширить теорию и практику своих корней.

Анархизм, кажется, постоянно забывает уроки былых событий, которые сформировали живое настоящее, кото-

Pantheon Books.

Michael Hardt and Antonio Negri, 2000. Empire. Cambridge: Harvard University Press.

Ernesto Laclau and Chantal Mouffe, 2001. Hegemony and Socialist Strategy. London: Verso.

May, Todd, 1994. The Political Philosophy of Poststructuralist Anarchism. University Park: Pennsylvania State University Press.

Newman, Saul, 2001. From Bakunin to Lacan: Antiauthoritarianism and the Dislocation of Power. Lanham: Lexington Books.

Vaneigem, Raoul, 2001. The Revolution of Everyday Life. London: Aldgate Press.

изобличёнными в возрастающей аполитичности и обскурантизме, прислушались к этим возгласам и используют более ясный язык, и активно пытаются применить свои теории в практике уже существующих социальных движений.

Эта свежая тенденция, более чётко представленная в работах Поля Вирильо, Джорджио Агамбена, Жака Дерриды, Майкла Хардта и Антонио Негри, может быть рассмотрена как возвращение к корням постструктурализма в событиях Мая 68-ого года, когда интеллектуалы бунтовали против своей роли организаторов кибернетического общества и вместе с миллионами рабочих, иммигрантов, женщин и других перевернули этот мир вверх дном, даже если и на короткий радостный момент. Таким образом, возникновение пост-анархизма в последние годы тоже можно рассматривать как аспект этого возвращения забытого прошлого, хотя бы отчасти как результат возвращения мирового социального движения, которое бросило вызов всем формам технократического владычества, неся борьбу Мая 68-ого и итальянской Автономии к следующей сцене, как на это надеялся Бей; феномен, возможно, лучше всего суммируемый на данный момент лозунгом: «Ни нормализация классического анархизма, ни деполитизация постструктурализма!»

Armitage, John 2001. Virilio Live: Selected Interviews. London: Sage Publications.

Bey, Hakim, 1991. TAZ: The Temporary Autonomous Zone, Ontological Anarchy, Poetic Terrorism. Brooklyn: Autonomedia.

Andrew Feenberg and Jim Freedman, 2001. When Poetry Ruled the Streets: The French May Events of 1968. Albany: SUNY Press.

Gordon, Colin, ed., 1980. Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings 1972-1977, Michel Foucault. New York:

рое мы наследуем ежедневно, включая, в конечном итоге, и фетишизацию с одной стороны «славной традиции» прошлого, а с другой стороны – «славное обещание» будущего. Как мы видели на примере анархистских событий в Мае 68-ого года, что это не просто постструктурализм, который сегодня обогащает анархизм, но на самом деле происходит и происходило, и наоборот, не смотря на то, что этот факт долго игнорировался практически всеми – до недавнего времени. Чтобы понять, чем является возникнувший феномен «пост-анархизма» в настоящий момент, прежде всего, нужно понять, чем он не является: это не «изм» как прочие – это не ещё один набор идеологий, доктрин и верований, которые можно позитивно трактовать как связанную тотальность, которую можно принять и затем агитировать среди «масс», чтобы собрать остальных вокруг и посвятить их тоже, будто какому-то идеологическому флагу. Вместо этого, этот глубоко негативный термин относится к широкому и гетерогенному ареалу анархистских теорий и практик, которые стали «бездомными» благодаря риторике и практике большинства закрытых и идеологизированных анархизмов, таких как анархо-синдикализм, анархо-коммунизм, анархо-платформизм, как и их современных производных, все из которых тендируют к воспроизведению форм классового редукционизма, государственного редукционизма или либеральной демократии в несколько более «анархистской» форме, игнорируя многие уроки, преподанные нам в недавнем прошлом.

Пост-анархизм сегодня можно найти не только в абстрактной радикальной теории, но и как живую практику таких групп как No Border, People's Global Action, Сапатисты, автономны и других, которые являясь чётко антиавторитарными по ориентации, не связывают себя с анархизмом так явно, как с идеологической традицией, как они идентифицируют себя с его общим духом в своих

уникальных и различных контекстах, на которые обычно оказывает влияние широкий спектр как современных, так и классических радикальных мыслителей.

Что интересно, всё это удивительным образом сочетается с истинным происхождением термина в эссе Хакима Бея от 1987 года, «Post-Anarchism Anarchy». В этом эссе он утверждает, что то, что мешает анархизму стать актуальным для истинно исключённых из общества, то, что так же гонит многих действительно антиавторитарных людей прочь от анархизма, это то, что он пойман в собственных тесных идеологических границах и сектах, которые абсолютно неверно принимают различные доктрины и «традиции» анархизма за саму анархию. Между дихотомной тюрьмой трагического прошлого и невозможного будущего, он говорит, что анархизм стал идеологической доктриной, к которой нужно принадлежать, а не живой теорией, которой можно растянуть децентрализованные сети постиндустриального общества контроля, всё это выливается в универсальное отставание от любой реальной политики настоящего, замечание сделанное так же и Раулем Ваненгеймом в мае 68-ого, но относившееся к обществу в целом. Бей продолжает подчёркивать, что различным идеологическим анархизмам не достаёт внимания к реальным желаниям и нуждам, что ещё более достойно хулы, чем их молчание пред лицом более свежей радикальной теории, тех вызывающих мыслей и идей, которые могут на первый взгляд показаться «рискованными» или неудобными, в особенности для анархизма, которому всё более удобно в этой своей форме, подобно постиндустриальному временному рабочему, который под конец дня падает в кресло-качалку и остаётся там от элементарного истощения. Если мы хотим сопротивляться этому искушению и открыть анархизм для действия такого рода, то, по его словам, «мы можем продолжить бой там,

Эндрю Коч, например, утверждает, что пост-феминистки вроде Хелены Сиу (Helene Cixous), Люсе Иригирэй (Luce Irigaray) и Юлии Кристевой (Julia Kristeva) могли бы быть очень полезны анархистам, рассказав им об авторитарных элементах патриархального фундаментализма. Рикардо Домингес (Ricardo Dominguez) раскрывает поэтические откровения в связях между сапатистскими стратегиями децентрализованной сетевой войны и ризоматическими формами сопротивления государственным формам у Делёза и Гваттари, напоминая нам, что ни одна из них не должна быть «включена», чтобы быть эффективной.

Хотя должно быть ясно, что кроме оппозиции всем формам владычества, единственная вещь, которую разделяют все эти теоретики, это – отсутствие всякого консенсуса касательно того, что это означает – сочетать анархизм с этими совершенно разными теориями. В самом деле, в то время как некоторые используют пост-анархизм, чтобы оправдать прощание от всего сердца со всеми ранними тенденциями вроде анархо-синдикализма, ироничным образом некоторые из основных теоретиков, включая Поля Вирильо, Майкла Хардта и Антонио Негри, служащие примером для таких пост-анархистов, все флиртовали с версиями именно этой традиции в различные периоды своей работы, и даже использовали термины вроде «всеобщая стачка» (Вирильо 1997), «анархо-синдикалистский» (Armitage 2001) и «One Big Union» (Хардт и Негри 2000) в позитивном контексте.

Это означает только то, что радикальная теория, точно как и мир, в котором она зародилась, находится в постоянном текучем состоянии, кочевничество, которое никогда не останавливается, никогда не затвердевает полностью в отдельной форме, в котором «прошлое» вечно возвращается в настоящее новыми и неожиданными путями. Многие постструктуралистские интеллектуалы, к примеру, будучи

сти, и до более явных анархистских дискуссий, какие тенденции в современном анархизме, вроде повстанческого анархизма, социальной экологии или анарха-феминизма, были бы более актуальны в современном миропорядке.

Ведутся даже разговоры об антологии пост-анархизма, которая собрала бы эссе, циркулировавшие по всему интернету, в одном месте, к тому же, надеюсь, антология включит в себя такие интересные проекты как, например, от бывшего члена Чёрных Пантер, Ашанти Элстона, о контурах того, что он рассматривает как постструктуралистский африканский анархизм, объединяющий мысли Уоле Сойинка (Wole Soyinka), Сэма Мба (Sam Mbah), Тодда Мэя и Сола Ньюмэна, как и предложение Джесса Кона (Jesse Cohn) и Шона Вильбура (Shawn Wilbur), которое критикует концепцию пост-анархизма Ньюмэна, утверждая, что Бакунин и Кропоткин были менее эссенциалистами и более критичными в отношении науки, чем это представляет Ньюмэн. Проверая эту траекторию, нетрудно понять, что результатом этой рассылки, сайта и последующей антологии является не только то, что дискуссия и определение пост-анархизма теперь становится гибридом концепций Бея и Ньюмэна, в это вмешались и ещё дюжины людей, которые пишут о пересечениях анархизма, постструктурализма и других критических теорий с начала 90-х годов, продвигаясь в настоящий момент вперёд с нарастающим до крещендо динамизмом. В этом, зачастую неизвестном, напряжении анархисты всех направлений, со всеми видами идей, пытались сделать современный анархизм актуальным для себя, в своих уникальных ситуациях, зачастую заходя за сам постструктурализм, пользуясь лучшим из современных радикальных теорий, включая феноменологию, Критическую Теорию, ситуационизм, пост-колониализм, постмодернизм, экзистенциализм, пост-феминизм и Сапатизм среди прочих.

где он был оставлен ситуационизмом в 68-ом и Автономией в семидесятых, и перенести его на следующую сцену», дальше, чем радикальные grassroot-активисты, анархисты, экзистенциалисты, гетеродоксальные марксисты и пост-индустриалисты когда-либо его заносили.

Но для Бея пост-анархистская политика может действительно начаться только, если анархисты смогут найти волю и вышвырнуть всю охапку остатков фетишизмов, которые удерживали анархизм в его собственных сетях самообращённых идеологических гетто, включая все виды идеологической чистоты, слишком очевидные и простые концепции власти, фетишизм труда, предубеждения против культурных форм сопротивления, секулярные культы науки, анти-эротические догмы, которые запирают все формы сексуальности в шкаф, обожествление формальной организации и до вредных спонтанных акций и территориальных традиций, которые связывают пространство и политику, игнорируя возможность кочевой практики.

Четырнадцать лет спустя, после некоторой важной предшествующей работы таких радикальных теоретиков как Эндрю Коч и Тодд Мэй, эта схематичная формулировка «пост-анархизма» вновь возникла под тем же знаком, но в несколько ином и менее плотском обличье, развитая австралийским политологом Солом Ньюмэном в его книге «From Bakunin to Lacan: Antiauthoritarianism and the Dislocation of Power». Здесь термин относится к теоретическому сдвигу прочь от классического анархизма в сторону гибридной теории, состоящей из синтеза отдельных концепций и идей из постструктуралистской теории, таких как пост-гуманизм и анти-эссенциализм. Ньюмэн объясняет это тем, что «использованием постструктуралистской критики можно теоретически вывести возможность политического сопротивления без эссенциалистских гарантий: политика пост-анархизма...

Объединяя моральные принципы анархизма с постструктуралистской критикой эссенциализма, можно достичь этически действенного, политически полноценного и исконно демократического понятия сопротивления власти... Отказ Фуко от «эссенциалистского» различия между сумасшествием и разумом, атака Делёза и Гваттари на эдиповскую репрезентацию и сконцентрированное на государстве мышление, подвержение сомнению философского допущения важности речи над текстом, всё это примеры фундаментальной критики авторитета» (Newman 2001).

Как и подразумевалось беевской концепцией пост-анархизма, здесь тоже ясно, что антиавторитаризм, который, согласно Ньюмэну, проходит сквозь всю постструктуралистскую теорию, зародился в мировых исторических социальных движениях 60-х годов. В процессе радикальный антиавторитарный дух анархизма, как один из важнейших элементов этой сцены, мутировал в тысячу различных минивирусов, заражая все эти критические теории множеством различных путей, которые только сейчас были открыты заново. И хотя он (Ньюмэн) критически относится к эссенциализму, который он рассматривает как эндемию в мысли канонических анархистов вроде Кропоткина или Бакунина, его концепция пост-анархизма не отвергает всю раннюю анархистскую мысль, его восприятие штирнерианского эгоизма как наиболее важного предшественника этого сорта политики довольно ясно это демонстрирует. В конце концов, следует заметить, что именно в этом смысле концепция Ньюмэна в действительности очень похожа на «пост-марксизм» Эрнесто Лаклау и Шантале Муффе, и поскольку она пост-анархистская, то их теории постанархистские тоже. Она ни в коем случае не означает тотального отрицания ранних форм анархизма, но скорее – шаг за пределы,

положенные ими просветительской мыслью, не ставшей ещё объектом критики по-настоящему. В то же время она принимает лучшие элементы, произведённые той же революцией в человеческом сознании, включая такие явные аспекты как способность людей управлять самими собой напрямую, без суверенных господ над ними; штаммы вирусов мутировавшего пост-анархизма внезапно возникают в новой форме после долгого и кочевого изгнания.

Со времени публикации книги Ньюмэна в 2001 году, было предпринято много попыток сформулировать концепцию пост-анархизма, которая бы вобрала в себя многие из его специфичных идей касательно анархистских элементов в радикальной постструктуралистской мысли, и которая бы вернула пост-анархизм из стен университетов обратно в более широкое, более разнообразное и более легко воспламеняемое окружение, как это изначально и описывал Бей в своей концепции термина в 1987 году. В начале этого года, я начал мэйл-рассылку и создал интернет-сайт под именем пост-анархизма, которые и должны были послужить этой цели. Я разрекламировал их существование на Индимедии по всему миру, в бюллетене Infoshop и во множестве радикально-активистских и анархистских рассылок, которые притянули сотни анархистов, активистов и интеллектуалов, в особенности привлекая тех, кто нашёл способ сочетать в себе все три роли. С тех пор возникла динамически разрастающаяся дискуссия, которая простирается от активистских тем в социальных движениях вроде No Border, которые привнесли идеи таких критичных теоретиков как Джорджо Агамбен, Майкл Хардт, Антонио Негри и Жак Деррида, и до более строгих интеллектуальных вопросов о границах, в которых ранние анархистские мыслители, такие как Бакунин и Кропоткин были эссенциалистами в своих концепциях человеческой субъективно-